

О финалисте последнего «Букера» знают немного — только то, что написано на обложке его дебютной книги «Сергеев и городок», вышедшей в издательстве «О.Г.И.». Слесарь из подмосковного городка и потомок старинного польского рода. Многие «проницательные» критики решили: Зайончковский — это псевдоним. Сам писатель говорит, что биография у него скучная, а жизнь замкнутая — с окончания школы он не выезжает из подмосковного Хотькова. При этом недостатка во впечатлениях не испытывает — их источником может служить даже вид из окна квартиры... или «обои» на экране компьютера. Кстати, когда книжку писал, заставка была с видом родного городка: за лесом, за полем, под монастырскими куполами. Теперь на экране небо с облаками.

«Срочной формой бытия» в одном из рассказов книги названа армия. А жизнь в городке, считает писатель, это, напротив, «бессрочная форма бытия». Это и есть та «растительная», самовозобновляющаяся жизнь, о которой он пишет. «Так же живут люди в маленьких городках по всему миру», — уверен Олег... хотя сам нигде почти не был.

Путешествия для него — суета и много людей. Но скоро он поедет в Лейпциг («В качестве экспоната») и без жены («Кошмар!») — там уважаемый агент и собираются переводить. «Надо открываться миру», — считают жена Наташа и московское правительство, посылающее писателя за бугор. А что без жены он — никуда, в правительстве Москвы еще не поняли. Они же с тринадцати лет вместе.

— Был вашего городка — очень близко к глазам, настолько узнаваемый, что, кажется, потрогать можно. И герои все — будто с соседей списаны...

— С натуры я не писал, уверяю вас. Мои истории — это «фикшн» в полном смысле слова. Какие-то наблюдения мимолетные, словечки — без этого текст не построишь, конечно. Вот как ворона строит гнездо — понадергает отовсюду, что в клюв попало. Но я повторяю: герои мои выдуманы почти все, а истории — чистая литература. Удивляюсь, что никто не замечает в «Сергееве» стеба. Ведь это пародийный текст.

— Уж очень добрая и светлая по нынешним временам книжка получилась, а за стебом обычно прячутся, когда лицо боится показать. Велик соблазн поставить знак равенства между автором и рассказчиком Сергеевым.

— Люди добрыми почему получились? Ведь это мои персонажи, собственное мое порождение — как же их не любить? Это авторская любовь. Что касается Сергеева, то им я был, пока писал книжку. Я тогда сделался страшным патриотом своего городка и краеведом. Но это была мечта моя, а не моя жизнь. Вообще, если писать, что называется, собственной кровью, «живыми» эмоциями, хорошей литературы, на мой взгляд, не получится.

— А ваша фамилия, восходящая к военному историку Петру Зайончковскому, — тоже литературная мистификация?

— У нас с Петром Андреевичем общие предки. Вообще, насколько мне известно, большинство Зайончковских, живущих в России, — родственники в той или иной степени. Сделать акцент на моем стародворянском происхождении — это был издательский маркетинговый ход. Хотя я действительно горжусь своими благородными предками, сотни лет служившими России верой и правдой.

— Вернемся к Сергееву — все ли его истории выдуманы? А Наташа, его школьная любовь, — разве не жена вам?

— Это правда, свою Наташу я тоже встретил в школе и в ней — свою любовь и судьбу «Зайкорился» во всех отношениях. До этого семья моя часто переезжала — Куйбышев, Волгоград, Урал, Подмоскowie... Я рос единственным и очень одиноким ребенком из-за этих переездов и своих частых болезней. В десятилетнем возрасте я умудрился нажить себе хро-

ническую пневмонию со всякими осложнениями. К пятинадцати годам у меня было порядка сорока обострений, две клинические смерти и богатый больничный опыт. А социального опыта было мало. В первый класс ходил два-три месяца, во втором не учился. Со сверстниками не общался, друзей дворовых не было. То есть были, но... придуманные — наверное, они и были моими первыми персонажами. А реально было как: пошел во двор, полу-

чил по морде — чужой, болезненный. Читал зато много — как все болезненные дети.

Наташа: «Он был другой, ни на кого не похожий. Я и в 13 лет видела, что он исключительно одаренный. Всю жизнь добивалась, чтобы он реализовался, чтобы все поняли, как он талантлив. Это было и остается сплошным насилием. Он настолько гармоничен внутри себя, что ему ничего не хочется никому доказывать».

Да-да, пишу под ее давлением и главным образом для нее.

— Говорите, что не вы пришли к литературе — она к вам...

— Ну да. Сам не пойму, как это случилось... Жизнь моя не способствовала гуманитарным занятиям. Поскольку я рано обзавелся семьей, надо было зарабатывать. Вариант в те годы был один — идти на завод. Кстати, я сделался неплохим рабочим — даже висел на Доске почета. Пьянствовал с удовольствием. Заводские друзья до сих пор при встрече бросаются на грудь. Жил словно внутри какой-то пьесы, но играл с душой. Потом был мастером по электро-

технике, ходил по вызовам, общался с людьми легко, но как бы из своей раковины.

— А публичную роль писателя тяжело играть?

— Поначалу, конечно, стресс. Нет у меня тяги к публичности. Впрочем, это дело привычки. Я и в цеху

Александр МАРОВ

Бытописатель-сказочник

Олег ЗАЙОНЧКОВСКИЙ:

«Наша сегодняшняя литературная ситуация напоминает мне образ из моей книжки: есть там у меня котельная, которая отапливает саму себя. Но структура эта понадобится следующим поколениям»

сначала засыпал от шума на каждом перекуре. Психика защищается, как в электронном блоке: перегрузка — и «запирается» человек.

— И все-таки как вы с техникой переключились на литературу? Что послужило толчком — какое-то событие, внутреннее потрясение...

— Личные потрясения у меня случаются, конечно. Скажем, когда собака умерла, мне тяжело было. Но все потрясения, и горестные, и радостные, не мотивируют меня к творчеству, а скорее, наоборот, отвлекают. Толчок, как было сказано, я получил от

жены своей. «Не хочу, — сказала она, — быть замужем за слесарем, хочу быть за писателем». А дальнейшая мотивация, она содержится уже в самом процессе. Если что-то делаешь, хочешь делать хорошо. Вот и все.

Она не то чтобы соавтор, но как строгая училка себя ведет, проверяет, сколько я наваял, вычитывает как редактор и филолог. А когда в итоге получилась книга, не я, а Наташа пошла с рукописью по издательствам.

— Как вы относитесь к спорам о жанровом определении вашей книги?

— Романом книга была названа после написания — это решение издателей. Вообще спор о судьбах романа отбавляет с моей точки зрения, схоластикой и не очень меня занимает. Интереснее для меня другое: почему моя книжечка все-таки вызвала некоторый читательский (и критический) резонанс. Удивительно разные люди ее читают. Подсознательно я писал то, что хотел бы прочитать, но найти не мог, — и, как оказалось, не я один.

— Некоторые называют вашу прозу «бытописательством», «рабоче-крестьянским Довлатовым», «Шукшин минус трагизм», а для вас вообще важна литературная традиция?

— Странные определения. Что касается традиции, то, по здравому размышлению, должна быть, конечно, традиция...

но я ее не ощущаю. Возможно, звучит некорректно, но это так. Хотя читал я довольно много нашей и мировой литературы, классической и современной, но восприятие у меня своеобразное. То ли настой образуется в сознании, то ли вытяжка... По звучанию мой текст кажется близким классической русской традиции — может быть, просто оттого, что она наиболее органична самому русскому языку, как я его чувствую. Вот я с тещей ругаюсь — она макароны неправильно варит, она их ломает. Так же ломает (а не «уваривает») фразу стиль, сформированный на переводной литературе. Это идет не от ощущения традиции, а от чувства органики. На самом деле я не продолжаю кого-то и не отталкиваю, у меня ощущение, что моя литература начинается с меня.

— У вас в книге все маленькие люди счастливы: и побитый Степанов, и пьяный Савельев, и больной дед, и многодетный доктор, и отец Михаил, и незамеченный художник Уткин.

— Хотелось сделать их счастливыми, потому что я писал сказку, а сказка должна быть доброй.

— Страшные события, после которых кажется, что мир уже не останется прежним: 11 сентября и Беслан, война в Чечне и теракты в метро, униженные законы и перекрытые шоссе пенсионеры. Как вы на них реагируете? Для вас существуют проблемные темы?

— Да, существуют, но таких, чтобы разрывали меня изнутри, нет. Все-таки миром движут силы, о которых говорил Лев Гумилев. Имморальные. Естественные. Это больше, чем силы идеологические или религиозные. Масштаб иной, как при движении тектонических плит. Вообще я не склонен к острому сиюминутным переживаниям. Даже собственные свои трагедии я не умею переживать в режиме реального времени. Что поделаешь — созерцатель. Мне кажется, что я настроен на более тонкий прием. Помните, как у Розанова: писатель — это когда в душе постоянно что-то течет. Как река, и ты из нее черпашь... или не черпашь, а просто сидишь на берегу.

— Зачем тогда выдвигаться на «Букер» и отслеживать литературный процесс?

— «Букер» был для меня чем-то вроде экзамена на профпригодность. Он позволил мне убедиться, что я занимаюсь своим делом. А отслеживать литературный процесс мне теперь необходимо хотя бы из уважения к коллегам. Хотя до некоторой степени наша сегодняшняя литературная ситуация напоминает мне образ из моей книжки: есть там у меня котельная, которая отапливает саму себя. Постмодернистская такая ситуация. Что ж, литературная жизнь, даже если эта жизнь замкнута внутри сообщества, необходима. Нужно сохранить «лежачий» завод — хотя бы как производственную структуру. Минуты застойные времена, и структура эта понадобится следующим поколениям.

— Что же делать: насильно окультуривать власть или ждать, пока их дети вернутся на родину из закрытых лондонских школ и станут нашей новой интеллектуальной элитой?

— Хотел бы я видеть эту силу, которая сможет окультурить нашу власть. Остается только ждать.

● Беседовала Наталия САВОСЬКИНА

«Толчок получил от жены своей.
«Не хочу, — сказала она, — быть замужем за слесарем, хочу быть за писателем»